

Анна Абазиева

МАКСИМ, ты иногда пишешь сценарии, не хотел бы ты сам попытаться их и осуществить в виде собственного фильма?

— Я не так уверен в собственной безупречности как сценариста. Эти произведения еще не прошли моего личного суда, не до конца продумал, поэтому я не собираюсь выносить свои сценарии на всеобщее обозрение до поры до времени, к тому же масштабы задуманного не вписываются в имеющийся в реальности бюджет.

— Как поживают съемки по сценарию Ренаты Литвиновой, на какой они стадии?

— Никак не поживают: Рената сейчас, кажется, занимается поисками тех же денег, и все совершенно подвешено в воздухе. Сценарий тоже находится в состоянии постоянных рабочих изменений, но литература талантливая несомненно.

— Снимаешься ли ты где-нибудь в данное время?

— Сейчас идут досъемки фильма «24 часа», режиссером которого является Александр Отавесиан, — фильм все никак не может выйти на экран...

— Нашел ли ты своего «Мирзоева» в кинематографе? Быть может, это Тодоровский?

— Нет, не нашел; такие люди, как «свой режиссер», частично с актером на дороге не пересекаются, для этого необходима простая, как чудо, встреча. Она происходит не с бухты-барахты. И этого нельзя все время желать, это происходит само, как нельзя постоянно желать выйти замуж — никогда не выйдешь. Эта встреча похожа на случайное столкновение двух людей, которые становятся потом гармоничной супружеской парой на всю жизнь. Такое заранее не загадывают.

— И как же произошла эта судьбоносная встреча с твоим любимым режиссером Мирзоевым?

— Меня познакомил с Мирзоевым мой давний знакомый, художник Павел Каплевич, который на тот момент с ним работал в каком-то спектакле и был моим другом и другом Мирзоева одновременно. Познакомил абсолютно буднично, случайно и без всякой мистики. Только потом я постепенно стал осознавать, как много планов у меня совпадает с Мирзоевым, как много неожиданных поворотов понимания мне удастся с ним открыть. Здесь целая совокупность компонентов, которые нарочно не придумаешь. Его нельзя назвать режиссером, «который просто меня устраивает для работы», вовсе нет. Прежде всего — человеческие отношения, затем фантазия, и совсем не последнее место занимает интеллект. Мирзоев — потрясающий человек, который очень много отдал. Он позволяет тем людям, которые оказываются рядом с ним, развиваться и распускаться, а не поглощает их своим авторитетом, «подсаживая» на собственную энергетику, как делают некоторые режиссеры. У него это получается, потому что он к каждому человеку обращается на равных, кем бы он ни был, как к абсолютно равноценному энергетическому ядру, внутренне знающему столько же, сколько и он сам, а может быть, и больше... Происходит обоюдное расширение сознания.

ПОКЛОННИК ЛУНЫ

Независимая
Газета. — 1999.
— 10 дек. — с. 13

Чтобы создать новый образ, Максиму Суханову необходимо погрузить себя в состояние детства

— Тебе удается совмещать в себе самые разные роды деятельности? Они не мешают друг другу?

— Эти виды деятельности совершенно не пересекаются между собой. Я пытался проанализировать собственное состояние во время переключения от одного к другому и понял, что этому невозможно научиться — это либо есть, либо нет. Это не дар, а способность абстрагироваться, моментально переключаясь с одной темы на другую. Сложнее мне было бы давать несколько актерских концертов подряд, а вечером тащиться без задних ног играть в спектакле — халтура в обоих случаях была бы неминуема.

— Какое самое сильное эмоциональное потрясение ты испытал за всю свою жизнь?

— Здесь все до скучного гладко, а то, что я испытывал в интимных переживаниях, выносить было бы как-то по-старчески.

— Имеет ли для тебя значение игра того, кто рядом с тобой, или его присутствие для тебя безразлично?

— Для меня, конечно же, безразлично то, что находится рядом со мной, будь то живое или неживое. Потому что это нечто не может быть случайным: будь то декорации, стул или партнер — все должно работать на спектакль. А коль уж это должно работать, то это должно воздействовать. Мешать это может либо в том случае, если появилось случайно, либо если оно настроено равнодушно. Только равнодушие может мешать творческому процессу. Даже забывание текста придает ситуации больше шарма и азарта, нежели равнодушие как таковое.

— Что на тебя влияет как благоприятный фактор?

— Полнолуние.

— С кем из партнеров тебе было наиболее комфортно работать?

— Отличный партнер и мой хороший друг Саша Самойленко (в «Укрощении строптивой» он играет отца невесты), я считаю, он очень хороший партнер, Макеевский, Гаркалин. Насчет женщин ответить затрудняюсь, потому что их присутствие на сцене для меня всегда праздник...

— Испытываешь ли ты дух соперничества, играя с кем-нибудь из равных тебе?

— Нет, такого не бывает.

— А как же твоя игра в «Хлестакова»? Ведь если бы не было яркой игры горючего (Владимир Симонов), то, мне кажется, ты бы и играл слабее...

— За счет борьбы мало чего можно достичь, даже если это твое осознанное

предпочтение. Борьба не есть творчество и территория для созидания. Ее невозможно задействовать в самом акте созидания, потому что она может только разрушать и уничтожать.

— И тем не менее актерскую профессию привычнее рассматривать как поединок, не как гармоничный акт сотворчества...

— Партнеры, которые находятся на одной сцене, являются таковыми только номинально — по большому счету они просто-напросто враги, которые делают территорию, разделяя тем самым сферы своего влияния. И если второй партнер недостаточно равносильно, то его зона постепенно становится все меньше и меньше. Это способ передачи энергии полей. Потому что если твоя энергия значительно сильнее, она автоматически начинает пожирать тех, кто рядом и слабее. Идет не соперничество, а расстановка полюсов. Так как при отсутствии полярности не будет игры. А игра для нас для всех одна, и мы в нее одну играем в отличие от ординарного соперничества, где игра у каждого своя.

— Актерская профессия чревата депрессиями. Какими способами ты от них избавляешься?

— Депрессии бывают у меня очень редко, не чаще одного раза в два года. Это не перманентное мое состояние. И те очень короткие. Но если все-таки наступает момент легкого обессиливания, то я восстанавливаюсь очень быстро... с помощью луны.

— Ты к тому же пишешь еще и музыку. Твои композиторские таланты имеют воплощение?

— Процесс нуждается в стимуляции. Я скажу, что сфера игры в театре достаточно простимулирована: мне дают много ролей, и я их играю, а мои композиторские способности остаются невостребованными. Разве что Мирзоев использовал в своем спектакле «Амфитрион» одну из моих вещей, случайно ее услышав. Если бы у людей была бы потребность в моем проявлении такого рода, то я бы что-нибудь делал.

— После чего ты был впервые замечен критикой?

— Так вот хорошенько замечен? После «Хлестакова»!

— «Глухие» были потом?

— Потом.

— Как долго ты готовился к роли глухонемого? Так же, как и девочки, — около полугода?

— Нет, у меня все шло быстрее, я почти совсем не готовился. А девочки так долго готовились?

Максим Суханов.
Фото Дмитрия Новокрещенова

— Flash-back после этой роли не накачивал?

— Как это? Повторения роли в жизни? Не-ет, таких диверсификаторов не наблюдалось.

— Какие качества ты прежде всего ценишь в людях?

— Остроумие. Честность. Сексуальность...

— Ты ценишь сексуальность как в женщинах, так и в мужчинах?

— Я ее вообще ценю, не только в отношении себя. Я понимаю, что люди, которые сексуальны, больше на что-то способны, нежели их альтернатива. Создать люди с правильным гормональным фоном способны больше: будь то зачатие ребенка или создание нового произведения искусства. Это одно из определяющих качеств творческого человека.

— Если актерская профессия обязывает к скоплению внутри себя множества личин, то в результате этого он чувствует себя сверхзащищенным или абсолютно беззащитным?

— Скорее второе, чем первое, хотя определение «личина» мне не очень нравится. Актер большей частью бескож. Потому что, создавая новый образ в театре или кино, я, например, не смогу сделать ничего полноценного, если в какой-то момент не стану погружать себя в состояние детства. В эти минуты я, как ре-

бенок, очень мало защищен. Ведь дети очень сильно защищены только здоровьем, но у них совершенно стерта грань перехода от плаксивости до состояния неимоверного счастья, и они совершенно беззащитны со стороны обид и всего отрицательного, что может быть на них направлено. Актер в роли всегда инфантилен. Но здесь надо очень правильно разделять: есть жизнь, в которую лучше не впускать это состояние. Потому что это будет сказываться на образе жизни. Долго прожить в таком состоянии нельзя. Это состояние сродни только творчеству. Его можно запускать только дозированно, когда занимаешься репетициями или создаешь что-то... Подобное путешествие очень опасно и погранично. Там нельзя задерживаться.

— Если тебе интересен человек, ты входил в него, как в роль?

— Да, меня интересует в человеке все. Абсолютно все. Это не совсем похоже на роль. Я просто познаю все нюансы, которые с человеком происходят. Я почти влезаю в человека, то есть стараюсь почувствовать и понять его, хотя он может находиться совсем не рядом в этот момент... Ты по отношению к этому человеку становишься все меньше и меньше равнодушен, и постепенно он превращается в еще более родного и интересного.

— Любишь ли ты одиночество?

— Как понять «люблю»? Я его не люблю, оно просто необходимо для сосредоточения и принятия какого-нибудь решения, да для чего угодно... Я вообще думаю, что одиночество при здоровом организме помогает, во всяком случае, мне, провоцировать себя на поиск и продуманное торможение. Все люди одиночки, и это хорошо. Потому что одиночество — это оздоровительный стресс, связанный с чем-то глобальным.

— Какой бы смертью ты хотел умереть, если вообще задумывался над этим?

— Об этом думается всегда, и это, собственно, помогает творить. (Долгая пауза.) А умереть бы хотел, пропав без вести.

— Твоя любимая геометрическая фигура?

— Треугольник.

— Как отмечаешь праздники?

— Никак. Я сам себе устраиваю праздники. Ведь если наступает праздник, у тебя совершенно незапрограммированное может быть плохое настроение. Что тогда будешь делать? (Смеется.) Получается нечестно.

— Готовить умеешь?

— Ненавижу. Считаю, что готовить умеют вкуснее женщины.

— Общепринято — мужчины.

— Тогда дети.

— Последний вопрос: если бы не стал актером, то стал бы, наверное, музыкантом?

— Скорее всего. По крайней мере, десять раз подряд в Шуку поступать ради актерской профессии не стал бы. Несмотря на авторитет своей бабушки.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Максим Александрович Суханов родился 10 ноября 1963 г. в Москве. После школы в 1981 г. поступил в Щукинское театральное училище и окончил его в 1985 г. Работал в Театре им. Вахтангова, играл в спектаклях «Кабанчик» (1986), «Ричард III» (1987), «Стакан воды» (1988), «Брестский мир» (1989), «Зойкина квартира» (1989), «Государь ты наш, батюшка» (1990), «Варвары» (1994), «Амфитрион» (1998). В «Ленкоме» — «Парень из нашего города» (1985), «Две женщины» (1998). В Театре им. Станиславского — «Хлестаков» (1995), «Тот этот свет» (1997), «Укрощение строптивой» (1999). Снял в фильмах «Лимита» (1994), «Учительница первая моя» (1997), «Страна глухих» (1997), «Наташа» (1998), «Мама» (1999) и др.